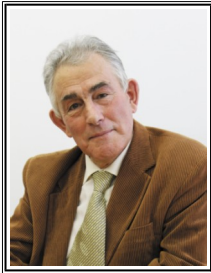

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

Доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор.

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИЗМА¹

Пожалуй, ни одна социальная тема не включает в себе столько противоречий, как гуманизм. Причём каждый раз, в те или иные эпохи, парадоксальность проблемы человеколюбия обнаруживает себя с неожиданной стороны. Не воспринимается как непредвиденная ситуация, когда гуманизм окрашивается в мизантропические тона. Не вызывает особой обеспокоенности положение, когда гуманизм оказывается симулякром и в своей сути выражает обыкновенную пустоту.

В различных аранжировках гуманизма речь идёт о культе человека, но сам человек рассматривается как злобное, деструктивное создание. Толкуют о неизбежности человеколюбия, но вместо человека парадоксально ставят расу, этнос и другие социальные образования. Различают абстрактный и конкретный гуманизм, нореальный человек оказывается при этом в цепях тоталитаризма. Гуманистической риторикой прикрывают обыкновенные преступления.

---

¹ Данная статья была ранее опубликована в сборнике: *Гуревич П.С. Парадоксы современного гуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / Отв. ред. Г.Л. Белкина; Ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 127–146.* Настоящая публикация является отчасти переработанным и дополненным её текстом, подготовленным к изданию Э.М. Спириной.

Автор статьи размышляет о тех парадоксах, которые обнаруживаются при ближайшем рассмотрении этого понятия.

Ключевые слова: ценности, гуманизм, человек, субъективность, личность, культура, христианский гуманизм, «абстрактный» гуманизм, дегуманизация мира, судьба гуманизма

На протяжении многих столетий человеколюбие оценивалось как непререкаемая ценность. Гуманисты разных эпох, как правило, видели свою задачу в том, чтобы восславить человека, и от имени этой благородной цели предлагали различные социальные программы. Однако сам гуманизм был огорожен при этом неким розовым пунктиром. Он тоже звучал гордо. Рассмотрим основные парадоксы гуманизма.

1. Первый парадокс гуманизма обнаруживается в том, что культ человека в эпоху Возрождения вызвал, как это ни удивительно, скептическое отношение к человеческой природе. Принято считать, что гуманизм как принцип мировосприятия и духовный строй связан с эпохой Возрождения. Именно в эту пору, как считается, возник культ личности человека. Однако в те же десятилетия обнаружилось и скептическое отношение к потомку Адама. Вот, к примеру, полные горечи слова Гамлета из трагедии Шекспира: «Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движеньям! В поступках как близок к ангелу! В зреньях как близок к Богу. Краса вселенной! Венец всего живущего!». Не только трагедию Шекспира, но и сочинение Эразма Роттердамского «Похвала человеческой глупости» вряд ли можно отнести к восхвалению человеческой природы.

Джованни Пико делла Мирандола в «Речи о достоинстве человека» пишет о человеке: «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению души своей и в высшие, божественные» [12, с. 249]. Мысли о несовершенстве человеческой природы нетрудно найти и у других философов этой эпохи. В частности, Х.Л. Вивес отмечает: «Многим людям, даже достаточно наделённым силой разума, было лень пристально вглядываться в сияние истины, и они охотно следовали за теми, кто слыл видящим его. Так ошибки предшественников переходили к потомкам и укоренялись, потому что новые поколения всегда более склонны верить в важнейших вопросах другим, чем судить самостоятельно» [6, с. 466].

Демонизация человека в эпоху Возрождения ещё не так заметна. Однако она уже задаёт вектор, который будет впоследствии назван Н.А. Бердяевым «умалением человека». Прошло всего два века, и имманентный мир человека предстал как уродливый, гротескный. Мир чудовищного, по словам Ханса Зедльмайра, проступил в самом человеке. Родилось новое восприятие человека. Сам человек – не только его внешний облик – стал

подвергаться демонизации. Он сам и его мир становятся источником дьявольских сил. Адское всемогуще, противоположные силы – в беспомощной и отчаянной самообороне [9, с. 127].

В видениях Гойи, отмечал Х. Зедльмайр, запечатлеваются все искажения и искушения человеческого начала и человеческого достоинства; демоны в человеческом облике, и рядом с ними – демоны-галлюцинации всех разновидностей: уроды-выкидыши, привидения, ведьмы, великаны, звери, лемуры, вампиры. Кронос с жадностью поглощает своих детей; как персонализация кошмарного сна, сидит на корточках обнажённый великан на краю впавшего в уныние мира. Причём этот Пандемониум нечистых духов обладает зловещей, свирепой витальностью. Это не «фантазия» художника, а пережитая «полнокровная» реальность.

То, что в царстве видений выступает, так сказать, в виде чистого штампа, определяет в разных градациях и всё последующее творчество Гойи – как выбор тем, так и их понимание. А в его знаменитых военных листах пророчески проявляется совершенно новое восприятие войны – как бессмысленной ярости демонов в человеческом облике. Но не только в них Гойя со всей brutalностью показывает человека не как образ Божий, но как чисто расчеловеченное, а когда он уже мёртв – как труп, который выбрасывают прочь. Серия «Тавромахия» (борьба с быком) представляет собой вовсе не прославление испанской национальной игры, но изображение иным способом жестокого массового безумия и озверения: в этой серии впервые в европейском искусстве возникает аморфная человеческая масса. В том же смысле воспринимаются сцены религиозных процессов и инквизиции. Темой изображений становится и дом умалишённых. Уже давно подмечено демоническое свойство портретов Гойи. И, собственно, даже там, где, казалось бы, чисто внешне всё ещё утверждается нечто полное достоинства, всё равно демоническое колышется за щелями маски (портрет Веллингтона!). Нередко «зловещим» оказывается пейзаж.

По словам Н.А. Бердяева, в сознании XIX–XX вв. исчез идеальный образ человека. Однако это не привело к устранению гуманизма. Напротив, он обрёл иные истоки и основания. Отныне гуманизм обнаруживает себя в облатке дегуманизации. Ницше ставит вопрос о соотношении человеческого и нечеловеческого. Смерть бога у Ницше провоцирует дегуманизацию и «смерть» человека. Появляются первые признаки клинической смерти гуманизма. Представление о высшей ценности человека ставится под радикальное сомнение. Ницше, а впоследствии и Хайдеггер заявляют о слиянности человеческого и нечеловеческого. Они подвергают критике гуманизм, мораль и философскую антропологию.

Хайдеггер пытается развить ницшеанскую идею о «слишком человеческом». Он показывает, что такие социальные феномены, как развитие науки и техники, война, не противоречат человеческой природе. Их нельзя назвать антигуманными, поскольку они порождены человеческой волей к власти. Человеческое существование может быть связано с покорностью

своей судьбе. Но похоть власти накладывает на человеческое бытие свой отпечаток. Насилие над природой приводит к насилию над человеком.

2. Другой парадокс гуманизма связан с его многоликостью, которая разрушает представление о специфическом понимании его природы. Впервые термин «гуманизм» – не исключено, что расскажут нам, – возник у датского мыслителя Г. Сибберна, поскольку его книга так и называлась «О гуманизме». Она была направлена против аскетической богословской мысли. Однако за последние десятилетия сложилось множество подчас неожиданных концепций, связывающих гуманизм с иной идеологией. В 1986 г. французский религиозный мыслитель Этьен Жильсон опубликовал работу «Средневековый гуманизм и Ренессанс». В ней он связывает возникновение гуманизма не с эпохой Возрождения, а со Средневековьем [8].

Как же так? Ведь все считали, что именно преодоление средневекового религиозного сознания породило идею обожествления человека. Жильсон показывает, что обострённый интерес к Античности возник именно в Средние века. Философу возражали, мол, он ссылается на отдельных мыслителей, изолированных и исключительных, а классический век Средневековья – XIII – не произвёл выдающихся, гуманистических личностей. Но эти доводы казались Жильсону необоснованными. Он писал: «Движение, понятое как средневековый гуманизм, было очень глубоким и вместо того, чтобы исчезнуть, как этого хотели бы многие историки, оно всё углублялось и углублялось, постоянно облекаясь в новые формы. Из литературного гуманизма перерастает в философский» [8, с. 395].

Но почему же концепция средневекового гуманизма вызвала споры? Жильсон объясняет. Каждый профессор выкраивает из реальности свой кусок. Он даже считает, что реальность состоит именно из кусков. Но надо взглянуть на ситуацию не фрагментарно. Если рассматривать гуманизм во всей его полноте, писал Жильсон, то придётся заявить, что XIII в. был даже веком его полного триумфа. Но и в «букве», в культе античной словесности этот век был верен гуманизму. Французский мыслитель полемичен. Вместо того чтобы понимать Средние века как сложную и богатую реальность, историки, по его мнению, навязали априорный образ «презрения к миру». Это клише до сих пор мешает описать их подлинную историю. Вот, скажем, Петрарка жил, писал и думал в XIV в., но приходится «переместить» его в эпоху Возрождения. Петрарка не может принадлежать Средним векам.

Это не единственный пример. Есть ещё Данте. Если мыслим человек, о котором хорошо известно не только то, что он из Средних веков, но что он есть их живое воплощение, – так это автор «Божественной комедии». Но историки, к примеру Я. Бурхардт, считают его первым человеком Ренессанса.

И вместе с тем гуманизм связывают с Античностью. Русские философы, к примеру Вячеслав Иванов или Павел Флоренский, отказывали Возрождению в приоритетности гуманистического сознания. Вяч. Иванов

подразумевал под гуманизмом этико-эстетическую норму, которая связывает человека с человеческим родом. Именно так – независимо от религиозных или идейных предпосылок. Без учёта и социальных условий. Главное, чтобы обоготворялось человеческое достоинство. Чтобы признакам человечности приписывалась положительная ценность. Разумеется, не обошлось и без идеи гармонического равновесия человеческих свойств. Под последнее определение подпадают даже утопийцы Томаса Мора.

Подлинной колыбелью гуманизма Вяч. Иванов считал эллинизм, и в частности ионийское время эллинов с его «открытостью всему, что в человеке человечно». Здесь кое-что перекликается с будущей идеей глобализации. Прославляется демократическое устройство. Приветствуется восприимчивость к иноземным влияниям. Нельзя не заметить, что гуманизм не поддаётся однозначной трактовке. Обратимся, скажем, к формуле Протагора «Человек есть мера всех вещей». Вчитаемся в эту чеканную максиму. И сегодня она кажется предельно ясной и неукоснительной. Однако нелегко назвать другую формулу, которая вызвала бы столько разночтений, полемики. Разные мыслители обнаруживали в ней совсем иной смысл, нежели их современники и предшественники. В чём же непреходящее значение Протагорового изречения? Прежде всего в том, что оно представляет собой первый манифест гуманизма. Конечно, античное человеколюбие не было ни последовательным, ни полным. Ведь это была эпоха рабовладения. Раб не считался человеком. Но именно в Античности началось становление человеческой личности и образовалась исторически первая форма демократии.

Эта формула сразу стала объектом дискуссий и размежеваний. Какой человек, кто конкретно может быть мерой вещей? Что значит мера? Почему вещи оцениваются по меркам человека? Эти вопросы, родившись в Античности, в преобразованной форме возникают и в религиозном сознании, и в светской гуманистической традиции.

Нет, всё-таки не Протагор. Он, конечно, был одним из первых, кто выделил человека, задумался над его оценкой, сравнил его с другими существами, окружающим миром. Но у него были предшественники. В дошедших до нас фрагментах Гераклита можно найти предвосхищение Протагоровой формулы человека.

Вот что хотелось бы сразу учесть. Мартин Хайдеггер в работе «Европейский нигилизм» сравнивает взгляды двух философов – Протагора и Декарта [14]. Для чего это необходимо? Он полагает, что надо освободить тезис Протагора от позднейших истолкований и перевести его соответственно греческому мышлению. У Протагора речь идёт о сущем, которое присутствует само собой в окружении человека.

Оценивая Протагора, Хайдеггер предлагает думать по-гречески и не приписывать ему нечаянно идею человека как познающего «субъекта». Ведь человеку присущ уникальный дар – разум. Может быть, здесь следует искать меру всего человеческого. Именно так рассуждает, например,

Сократ. Однако Протагор понимает человека шире. Он выделяет не только способность к мышлению, но и всю человеческую субъективность.

У греческого мыслителя совсем иной ход мысли, чем, скажем, у Декарта. Человек воспринимает то, что присутствует в круге его восприятия. Этот круг есть область потаённого. Мы неизменно зависим от него. При этом воспринимаем, будто сущее становится нам доступнее просто благодаря тому, что наше «Я» в качестве субъекта получает представление о некоем объекте.

Очень важная тема поднята Хайдеггером. Вместе с тем, оставаясь пока в языческой Греции, мы видим, что идея гуманизма, и это подчёркивают русские философы, никак не соответствует общественным и политическим особенностям античного строя. Рассуждая о государстве и обществе, античные мыслители не обнаруживают черт гуманизма. Уклад даже противоречит гуманизму. Варвар и скиф, раб и свободный у Платона и Аристотеля имеют родовое различие. Развивая идею политического человека, Аристотель полностью устраняет личное самоопределение, личную самобытность, даже гармоническое развитие целостной личности.

Мне хотелось бы обратить внимание на явную ошибку Вяч. Иванова. Античность, по его мнению, знак гуманизма. Потом, как он считает, случится возрождение классической древности в Средние века и в Новое время. Во-первых, далеко не всегда последующие «возрождения» имеют те же, античные основы. А во-вторых, разговор можно начать с более ранней исторической формы гуманизма, с глубокой древности. Заглядывая в глубь веков, спросим: содействует ли гуманизм действительному человеколюбию?

Вопрос кажется парадоксальным. Гуманизм, по первому впечатлению, это и есть человеколюбие. Ответ напрашивается положительный и вроде бы не требует напряжения. Но ведь у истоков человечества – людоедство... Человек – едва ли не единственное живое существо на земле, которое уничтожает себе подобных. Многие мыслители нашего века (К. Ясперс, Э. Фромм) вообще не считали каннибализм изжитым, чем-то вроде кошмарного сна человеческого рода. Напротив, они полагали, что людоедство может ещё напомнить о себе. Ясперс и не подозревал, что его пророчество уже сбылось. Когда он писал эти строчки, голодные, доведённые до иступления жители средней полосы России поедали трупы. И Фромм, умерший в 1980 г., намекая на возможные рецидивы антропофагии, не ведал, что буквально через несколько лет после его предостережения некие юнцы в нашей стране станут раскапывать могилы и пить из черепов. Не мог он угадать, что маньяки станут терзать жертвы, словно демонстрируя изъясн человеческой природы... Он-то связывал свой прогноз с психологическими последствиями атомной катастрофы.

Гуманизм – это требование «гуманного» человеческого отношения к ближнему, ко всякому человеку. Стало быть, возникает проблема – любовью ли человек достоин хвалы, почитания? Мыслим ли гуманизм без человека, без автономного, суверенного субъекта? Казалось бы, вопрос выглядит абсурдным. Как может проявиться любовь к человеку в доличностных

культурах? В древнейших известных нам мифологиях человек неотторжим от Вселенной. Он ещё не воспринимает себя как нечто самостоятельное. Эллыны, как и азиатские арийцы, обоготворяют великие явления природы, которые оказывают благодетельное или разрушительное влияние на человеческую жизнь.

В восточных деспотиях индивид, естественно, не рассматривается как ценность. Напротив, всякая уникальность, нестёртость человека оценивается как зло, как помеха. Она противостоит общему настрою культуры, призванной обнаружить безличные абсолюты, идёт ли речь о некоем верховном начале бытия, пантеистически осмысленной природе или конфуцианском понимании общества как иерархии индивидов. Человек – это лишь материал, который содействует приобщению к высшим, внеличностным ценностям.

Но, может быть, именно эти внеличностные ценности и могут служить истинным содержанием гуманизма? Такая парадоксальная мысль чаще рождается в современном философском сознании. Можно было бы, по всей видимости, сразу отвести эту идею как несовместимую с представлением о суверенности человека, развитии его собственной природы и субъективности. Однако антиперсоналистская установка в европейской культуре возрождается постоянно. Прослеживая её вехи, важно, по-видимому, уяснить, что такое воскрешение языческих сюжетов не случайно.

Антиперсоналистское умонастроение сегодня сопряжено с интересом к древнейшим пластам человеческой истории, к дохристианским основам человеческого бытия. Неоднократно в европейской культуре – от Античности до наших дней – рождается обострённая тяга к язычеству с его культом рода, деспотической опекой. Вытесненное христианством язычество постоянно напоминает о себе. Мы вряд ли отдаём себе отчёт, какую огромную роль играет в наши дни эта древнейшая форма мировосприятия. В истории философии были примеры уловления в массовой психологии языческих умонастроений.

Пока человек оставался в лоне язычества, не было, на наш взгляд, и гуманизма как специфического духовного умонастроения. В европейской культуре, по мнению Т. Манна, можно зафиксировать два элемента – Античность и христианство. Но ведь Античность – это ещё язычество. «А у восточных славян “очеловечивание” таких сил, – отмечает российский учёный Г.К. Вагнер, – и вовсе находилось на зачаточном уровне. Описывая, например, Перуна, летописец сумел отметить только его золотой ус, а что представляло собой тело или хотя бы голова – осталось неизвестно. О внешности Стрибога, Хорса, Даждьбога мы и вовсе ничего не знаем» [5].

О духовном преимуществе христианства над язычеством в советской философской литературе вообще не писалось. Напротив, древние верования оценивались даже как более исторически значимые. Само же христианство в вульгарно-социологической литературе трактовалось как религия рабов. При этом совершенно игнорировался вклад этой мировой религии

в развитие всей европейской и мировой культуры, а главное – в укрепление веры как духовного состояния человека, его уникального свойства.

Языческие корни – во многих наших современных представлениях. Как мы относимся, например, к теме погребения или обожествления человека? А ведь язычество и его современные версии – живое воплощение авторитарного сознания. Оно обязательно предполагает наделение человека сверхличностными качествами и растворение индивидуальности в коллективной идее. Человек – природное существо. Однако во многих антропологических достижениях это определение сразу оценивается как недостаточное, и поэтому, по сути дела, в последующих рассуждениях оно «проскакивается». Между тем язычество гораздо ближе непосредственным витальным природным человеческим запросам, нежели христианство.

В нём – мои и ваши сокровенные вожделения, голос крови, необоримые страсти. Не случаен ошеломляющий феномен – постоянное воскрешение язычества в тончайшем пласте культуры. Послушаем Владимира Соловьёва. По его мнению, в средневековом созерцании и жизненном строе новое духовное начало не овладело старым, языческим. И это говорится про эпоху, когда мудрецы толковали о торжестве христианского мироощущения, слиянии человека с Богом. Неужели язычество? Христианство было воспринято как внешний факт, свидетельствует В.С. Соловьёв. И более того, в происходящих отсюда противоречиях заключаются коренные причины упадка средневекового мирозозерцания.

Язычество в той же мере связано с абсолютизацией природной сущности человека, сколь и гуманизм. Гуманистическая антропология рождается по произвольному почину самого человека в момент противостояния религиозному сознанию Средних веков. Оно возникает в эпоху Возрождения и развивается в новые времена вплоть до наших дней. Гуманистическое сознание освобождало и утверждало природного человека, утратившего свою микрокосмичность.

Французские «новые правые» (Л. Повель, А. де Бенуа) в полемике с религиозными христианскими мыслителями развивают такую концепцию человеколюбия, которая не предполагает выделения независимого, изолированного индивида. Напротив, речь идёт о возрождении духа патриархальной, доличностной культуры, которая, по их мнению, и призвана представить сегодня наиболее значимую и продуктивную версию гуманизма.

Ключевым понятием в этой программе названных философов служит слово «культура». Они отмечают, что появление человека на арене истории следует рассматривать как феномен культуры. Напрасны поиски человека до культуры. Она глубочайшим образом связана с сущностью человека. Он сделал первый шаг к разрыву с природой, когда начал возводить над ней собственный, человеческий мир, мир культуры как дальнейшую ступень мировой эволюции.

Конечно, эти рассуждения не вызывают возражений, если они ведут к построению антропологической теории. Однако «новые правые»

не обнаруживают интереса к этой стороне дела. Их задача иная – раскрыть феномен культуры. По мнению «новых правых», лишь культура придаёт реальность бытию человека. Индивид, следовательно, ощущает свою самостийность не в собственной суверенности, а внутри культуры. Поэтому настоящая гуманизация мира, как полагают «новые правые», возможна только на путях деперсонализации, растворения человека в более корневой общности, каковой является культура, раса, нация.

Итак, гуманизм, но без человека. «Новые правые» предлагают возродить язычество, полагая, что именно в нём заложены утраченные традиции истинно религиозного. На этой почве, по мнению «новых правых», могут взойти ростки обновленного гуманизма. Однако, размышляя о культурном воскрешении, философы этой ориентации менее всего интересуются человеком. По существу, они вступают в полемику с европейской мировоззренческой традицией, согласно которой подлинный гуманизм невозможен без свободной независимой личности.

Было бы неправильно полагать, что гуманизм без человека – это продукт только французской мысли. Наш отечественный философ Борис Филиппович Сушков в книге «Русская культура: новый курс» пытается возродить русские гуманистические традиции. Он пишет: Россия теперь стоит, как витязь, на распутье. Три пути перед нею: Христианство? Язычество? Атеизм? Какую культуру мы собираемся возрождать – светскую или теократическую в той или иной степени? Европейскую и евразийскую? По убеждению автора, никакого христианства в строгом смысле слова никогда не было. Но его и не может быть, поскольку нравственные законы христианства противоречат человеческой природе. Не было также, по мнению автора, никогда и чистого атеизма (см.: [13, с. 7]).

Против чего воюет Сушков? Он считает, что переход к единобожию от языческих религий не был прогрессивным. Этот процесс сыграл катастрофическую, роковую роль в истории народов и всего человечества. Возможно, всё это было написано Фридрихом Ницше. Но, пожалуй, не всё. Ради возрождения ослабленной биологической силы автор предлагает утвердить славянское язычество. Он с сарказмом отмечает негодность иконы, в которой образ еврея Христа стилизовался под русского мужика.

Христианский фундаментализм, считает Б.Ф. Сушков, не менее опасен, чем исламский. Антропоморфные боги Олимпа, рассуждает он, похожие по своему поведению на людей, гораздо лучше, человечнее, чем вселенский Бог-Вседержитель, символ абсолютного идеального совершенства. Итак, спасти нас могут только Перун, Хор и Дажьбог.

Если культура имеет человеческое измерение, антропологические истоки, то её обогащение может осуществляться только через становление личности. Я в этом убеждён. Рассматривать гуманизм без человека абсурдно. Не культура возвышает человека, а человек творит культуру. Поэтому любая программа культурного ренессанса не может реализоваться безлично, на основе тех или иных ценностных ориентаций, носителем которых

по какой-то непостижимой логике окажется раса или нация. Пока человек оставался в лоне язычества, он был слит с космосом, не было и гуманизма как специфического духовного умонастроения. В античной культуре индивид – лишь частичка космоса, подражание ему. Устойчивость подобного представления иллюстрируют труды Алексея Фёдоровича Лосева. По его мнению, различие между человеком и космосом в античной культуре чисто количественное. Между ними нет никакого раскола, никакой бездны. Добавлю: у древних греков просто не было ощущения личности, как не было её и у большинства народов Древнего Востока.

И всё-таки нет ли здесь преувеличения? Неужели народ, достигший столь высокой культуры, был лишён «личностного чувства»? Скажем так: это чувство у него было весьма специфичным. Согласно античным представлениям, судьба любого человека и даже поведение в каждый из моментов его существования заранее роковым образом predeterminedены. Иными словами, свобода воли человека в точности повторяет «линию» его судьбы.

И всё же не поразительно ли? Крупнейшие герои древнегреческих мифов Ахилл, Геракл или Прометей, даже ведая о своей судьбе, поступают так, как диктует их собственная свобода. Предeterminedность не убивает активное начало, рок не противостоит активным деяниям. Греки, как свидетельствует Гегель, не задержались на ступени несвободного восточного единства, имевшего своим результатом религиозный и политический деспотизм, когда субъект безраздельно исчезает в единой всеобщей субстанции или в какой-нибудь особенной её стороне, ибо он не обладает никакими правами как личность и потому лишён всякой опоры.

Итак, чтобы подойти к тайне человека, дающей ростки гуманизма, надо прежде всего исторически отделить индивида от космоса, от всеобщей субстанции. Древние греки сделали только шаг на этом пути. Но вместе с тем значительный. В греческой нравственной жизни индивид был самостоятелен и внутренне свободен, но не отрывался от всеобщих интересов действительного государства и духовной свободы во временном существовании. В античной философии человек воспринимался не как безоговорочная ценность космического мироздания, а как один из первоэлементов, связанный с ним и подчинённый ему.

3. Гуманизм славит человека. Но он же задаётся вопросом, как сочетать это с верой. Не парадоксален ли сам культ человека в религиозном сознании? В язычестве нет личности, в христианстве она есть. В христианстве личность несёт на себе предназначение, ибо на неё накладывается отпечаток абсолютной личности творца. Она обретает некую самоценность, независимую от космологических сюжетов. Вместе с тем рождается идеальное представление о человеке как существе, воплощающем в себе телесно-чувственную субстанцию, одушевлённую разумом, духовностью. Христианство освободило человека от власти космической бесконечности. Европейский гуманизм верит в вечные основы человеческой природы. Эту веру он получил от греко-римского мира.

Однако христианский идеал гуманизма сталкивается с рядом мировоззренческих противоречий. Они во многом проистекают от конфронтации язычества и христианства. При этом в христианство проникает язычество. Так называемый Ренессанс XIV и XV вв. в Италии, по мнению Хайдеггера, есть возрождение римской добродетели. К бесчеловечному относят теперь мнимое варварство готической схоластики Средневековья. Эта критика во многом оправдана. Однако такие мыслители, как Пико делла Мирандола, Савонарола, Эразм Роттердамский, призывали не только к воскрешению Античности, её духа и воспитанности. Они стремились возродить дух Евангелия, дух свободы, любви, терпимости, уважения к личности.

Гуманизм Возрождения – это новое мировоззрение. Оно проникнуто осознанием безмерной полноты того величия, которым наделён человек. Он рассматривается отныне как средоточие мира, как творец земного бытия. Но в этом прославлении человека как меры всего сущего проступает и зерно противоречия в судьбах и содержании самого гуманизма. Если человек сам выступает мериллом своих собственных поступков, в равной степени способен творить добро и зло, стало быть, нечеловеческое соизмеряется только человеческим. Но ещё раз напомним об оборотной стороне титанизма, по сути – оборотной стороне гуманизма, которая в прекрасной идее может быть и не замечена, но в реальной жизни неотделима от человека, уверовавшего в то, что он и есть высшее творение во Вселенной. Но ведь многие мыслители Возрождения скептически относились к нравственной природе человека.

Что же получается? Гуманизм – обязательный, необходимый опыт человека. Человек в этой системе мироощущения остаётся сам с собой, со своими ограниченными человеческими силами, связанными лишь с природной необходимостью. В гуманизме человек стремится пройти через богооставленность. Это находит своё отражение в культе природного человека. Восхитительные мастера кисти Возрождения – язычники. Человеческая плоть буквально завораживала их.

С этой точки зрения в гуманистическом возрожденческом сознании человек вдруг возомнил о своей отделённости от Бога. Языческое освящение тела. Устранение надличностных абсолютов. Ищи основы в себе, человек! «Гуманизм послушен факту рабства человека у природного мира», – подчёркивал Н.А. Бердяев. Гуманизм, по его словам, постепенно отпадает от всякого богосознания и обоготворяет человека в человеческое...

Отвергая антропоцентризм космический, гуманизм переносит его вектор в чисто психологический фактор. Это означает, что человеку отказано в высоком предназначении. Он осмысливается как существо низшего порядка, которое продвигается по ступеням природного царства, опираясь на внутренние силы. Человек в этом случае выступает только как природный объект. Сверхприродного субъекта гуманизм не знает. Это относится, в частности, к позитивизму XIX в., который отвергает принадлежность человека к двум мирам одновременно – природному и божественному.

«В позитивизме, – развивает свою концепцию Н.А. Бердяев, – исчезает та правда гуманизма Возрождения, которая связана была с возрождением Античности как человеческой ценности. Гуманизм перерождается в антигуманизм: он отрицает человека. Подлинного человека, человека-микрокосма, царя природы, нет без Бога и Богочеловека» [2, с. 128].

Мы видим, что судьба гуманизма – это великая трагедия человека, ищущего антропологического откровения. Возвышение человека как живого существа отодвигает не только трансцендентное, но и общечеловеческое, ибо всечеловеческое выступает как нечто безличностное, надындивидуальное. Человек, освобождённый от надличностных критериев, обнаруживает не только созидательные, но и разрушительные потенции. Обнаруживаются истоки морального разложения. Эпоха Возрождения открывает не только эру гуманизации мира, она возвещает и дегуманизацию, ибо человек всё чаще воспринимается не в качестве суверенной личности, а в роли «массы».

Герой романа Т. Манна «Доктор Фаустус» выражал сомнение в том, что гуманизм может быть другом науки. Гуманизм не может не быть антропоцентричным. Нет человека – нет и гуманизма. Однако стремление соорудить такой гуманизм весьма стабильно. После того как Ницше убил Бога, казалось, что возвращение к гуманизму невозможно. Когда Ф.М. Достоевский столкнулся со стремлением поставить человека на место Бога, он испытал ужас. Однако постмодерн с его устранением трансцендентных чувств и поисками постчеловека окончательно обесславил гуманизм.

Парадоксально, что философия Ницше, полемически направленная против христианства и воплощающая в себе неоязыческую ориентацию, в известной мере наследует логические следствия гуманизма как умонастроения. Она делает наглядным тот факт, что человеколюбие вовсе не является непременным следствием возвышения человека. Напротив, оно мешает раскрытию человеческих возможностей. С этой точки зрения идеализированная архаическая Греция противопоставляется христианству. Именно оно, по словам Ницше, подвергло порче «естественное состояние человечества». «Проблема, что я ставлю, – пишет Ницше, – не в том, кто сменит человека в ряду живых существ (человек – конец), а в том, какой тип человека надлежит *вращивать*, какой наиболее высокоценен, более других достоин жизни, какому принадлежит будущее» [11, с. 111]. Ответ немецкого философа однозначен: *вращивать* надо человека сильных инстинктов, одержимого волею к власти...

Парадоксальность в том, что идеи Ницше приходится также рассматривать в лоне гуманизма. Он исторически возник как воплощение элитарности. Однако он был одушевлён идеей рекрутирования всё более широкого круга людей. Неоязычество во всех его современных версиях демонстрирует, по существу, утопичность этой программы. Более того, оно предлагает в обосновании гуманизма опираться не на индивида, а на общекультурные, общечеловеческие ценности. Истинный смысл гуманизма усматривается в идее коллективизма. Исторически элитарная идея

через рекрутирование масс перерождается. Гуманизм, как и другие ставшие всеобщими (в смысле выхода за обозримый круг сторонников) идеи, не просто утерял элитарность, но и оброс новыми смыслами, вступил в невероятные, казалось бы, идейные союзы.

Александр Блок разглядел потерю элитарным гуманизмом присущего ему индивидуализма по мере того, как идея овладевала массами: «Понятием “гуманизм”, – писал он, – привыкли мы обозначать прежде всего то мощное движение, которое на исходе Средних веков охватило сначала Италию, а потом и всю Европу и лозунгом которого был человек – свободная человеческая личность. Таким образом, основной и изначальный признак гуманизма – индивидуализм» [3, с. 93].

Но как совместить эти установки с появлением на исторической арене широких социальных общностей? «Движение, исходной и конечной целью которого, – писал далее Блок, – была человеческая личность, могло расти и развиваться до тех пор, пока личность была главным двигателем европейской культуры. Мы знаем, что первые гуманисты, создатели независимой школы, светской философии, литературы, искусства относились с открытым презрением к грубой и невежественной толпе. Можно хулить их за это с точки зрения христианской этики, но они были и в этом верны духу музыки, так как массы в те времена не были движущей культурной силой, их голос в оркестре мировой истории не был преобладающим. Естественно, однако, что, когда на арене европейской истории появилась новая движущая сила – не личность, а масса, наступил кризис гуманизма» [3, с. 94].

Важная проблема – действительно, как совместить интересы личности и массы? На уровне теоретической мысли всё казалось просто. М. Горький возражал А. Блоку, особенно его тезису о том, что «цивиловать массу и невозможно и не нужно». «Говорить... о невозможности и ненужности цивилизации для русского народа – это очевидно “скифство” – и это я понимаю как уступку органической антигосударственности русской массы. И зачем Блоку “скифство”» [7, с. 329].

Проблема, затронутая Блоком, как это очевидно сегодня, не могла получить разрешения на путях просвещения массы, к чему призывал Горький. Вовлечение массы в политику обернулось разносторонней мифологизацией сознания. Попытка осчастливить массы оказалась продуктом популизма. Вовлечение масс в политику имело для гуманизма значительные последствия. Они должны быть осмыслены в полном объёме на примере дегуманизации современного мира.

4. Ещё один парадокс темы – в сопоставлении понятий «абстрактного» и «конкретного» гуманизма. Однажды некто Гитлодей отправился в морское странствие. Случайно он попал на один из отдалённых островов, где жизнь туземцев поразила его своим совершенством. Ещё бы – внимание к каждому отдельному человеку было отменным. Люди трудились всего лишь шесть часов в день. Зато остальное время они посвящали не праздности, а наукам и искусству. Причём никто не указывал им, чем

конкретно они должны заниматься. Удивительно, но на острове не было богатых. Богатства принадлежали всем гражданам. Это позволяло удовлетворять все потребности человека, поскольку они были справедливыми. Никто не мог предаваться роскоши, все были равны. Правда, не было на острове ничего избыточного. Каждый имел шкуру как одежду и мог носить её не менее семи лет. Он надевал её только на работу. Дома же каждый гражданин имел грубую шерстяную одежду, которая имела одинаковый цвет для всех. Никаких денег у островитян не было, они их запросто ликвидировали. Не существовало и частной собственности. Её устранение подорвало корень преступлений – воровство, убийство, предательство. Не оказалось на острове и золота, этого источника зла и жестоких законов. Люди в этом мире ненавидели эксплуатацию и угнетение человека. Зато в неограниченных объёмах удовлетворялся запрос на духовность. Жители этого земного рая в основном рассуждали о счастье. Гитлодей был потрясён этим общественным устройством и с огромным энтузиазмом рассказал о нём... Как вы думаете, кому? Вы, конечно, уже вспомнили – Томасу Морю, английскому писателю. А тот написал книгу и назвал её «Утопия».

Писатель, конечно, придумал и странника, и остров, и нравы. Но если бы он знал, с каким поразительным восторгом будет встречена его выдумка! Все были готовы немедленно отправиться на этот замечательный остров. Многие даже не задумались над тем, что такого государства нет. Оно придумано. Ведь слово «утопия» означает «страна, которой нет». Однако были написаны десятки книг, в которых славил величие человека, его мудрость и стремление к справедливости и духовности. Позже даже К. Маркс, читая книгу, задумался над тем, как бы в реальной истории учредить такой строй.

Сегодня, конечно, быт островитян может вызвать глумливый смех. Ходить в шкурах, носить одинаковую одежду, стремиться к знаниям и толковать о духовности? Уж очень это наивно. Но вот удовлетворить растущие потребности человека, обеспечить ему благосостояние и комфорт – это, пожалуй, дельное стремление. Политики разных стран, видя, что на всех счастья не хватает, всё равно увлечены гуманистической риторикой. Они делают вид, что с утра до вечера думают о своих подданных, принимают мудрые решения, которые в самом ближайшем будущем осчастливят всех желающих.

Тоталитаризм XX в. явился не только помрачением духа, но и апофеозом язычества. Культ вождя. Идолопоклонничество. Толпа вручает собственные полномочия тому единственному. Индивид больше не прислушивается к голосу совести. Не доверяет рассудку. Душит личные сомнения камнем слепой веры. В этом есть некоторое заострение образа, но оно-то и наталкивает на видение проблемы гуманизма как идеи в иных ракурсах, нежели обычно принято на неё смотреть.

Напомним: сталинские репрессии сопровождалась углублённым «теоретическим» проникновением в суть гуманизма. Оказалось, что нельзя любить абстрактного человека. Нежности больше заслуживал только конкретный индивид. Те же, кого гноили в бараках, истязали в подземельях,

воспринимались как нечто «абстрактное». «Абстрактный», то есть лишённый классового гнева, гуманизм отвергался. Конкретный же взгляд на человека обнаруживал в нём вражескую сущность. «Человеколюбие» оборачивалось кошмаром злодеяний. Теоретическое размежевание «абстрактного» и «конкретного» служило для кровавых расправ.

Но разве идея несёт ответственность за то, что её искажают? Можно ли изобличать гуманизм, если присущее ему содержание извращено, обесмыслено, превращено в свою противоположность? Может быть, вслед за Фейербахом можно назвать это «призрачной человечностью»? Не гуманизм, а его призраки?

В истории духовной мысли важно не только то, что ты провозглашаешь. Каковы, однако, твои цели? Осознанные или стихийные. К чему, наконец, приводят провозглашённые тобою манифесты? Нельзя ценить доктрину только за то, что в ней обозначается любовь к человеку. Оценивая конкретную форму гуманизма, не стоит впадать в славословие, в бездумный экстаз. Между тем в нашей стране пытаются освоить гуманистическую риторику, совершенно не обращая внимания на пути реализации социальных программ, на последствия тех или иных действий власти.

На последствия её бездействия. Крымск лета 2012 г. – болезненный пример расхождения заявленной гуманитарной цели с тем, как шло спасение людей и как сегодня решаются проблемы затопленного города. Думаю, именно в силу того, что сила стихии здесь совпала с просчётами чиновного люда, для человеколюбия места осталось мало, и власти всё время старались показать, что, собственно, ничего особенного не случилось. Приехавшие со всей страны добровольцы оказались нежеланными свидетелями того, что масштабы катастрофы занижаются, многие жители Крымска были просто забыты, лишены помощи. Мой сын, один из тех добровольцев, видел всё это своими глазами. В Интернете множество видеоматериалов и комментариев, очень резких. Вот разговор губернатора Краснодарского края А. Ткачева с крымчанами.

Ткачев: А вы что думаете, дорогие мои, если бы сегодня, даже в 22 часа, с перерывом до трёх... до часу ночи, что, нужно было до каждого дойти? Это невозможно (неразборчиво). Во-вторых... секундочку...

Народ: Существует система оповещения!

Ткачев: Во-вторых. И вы бы, и вы бы, и вы бы что, встали и ушли бы, так сказать, из дома?

Народ: Нет, мы бы тонули, так же как тонули десять лет назад...

В такие моменты абстрактные слова о человеколюбии не то что становятся ненужными, а вызывают ненависть. И сарказм. И готовность людей прорываться через сладкую ложь показного гуманизма. А власть даёт встречный бой. Удачно это схвачено в популярном сейчас – в свете недавних событий – определении митинга: «Митинг – это конституционное право, являющееся административным нарушением и карающееся как уголовное преступление».

Проблема гуманизма вовсе не в том, чтобы провозгласить человека эталоном. Важно также понять, какова мера разрушительного в человеке. Очень благородная идея имеет такие парадоксальные и гротескные формы? Если возвышенные идеалы не становятся жизненно-практическими ориентациями людей, стало быть, гуманизм в чём-то ущербен: не соотнесён с человеческой природой, с реальными ресурсами человечества... Время гуманисту оглянуться на себя: отчего опекаемая им паства не слушается пророка?

Речь, стало быть, идёт об исторической ответственности гуманизма. Ценность любой доктрины определяется не тем, к чему она призывает. Следствия-то каковы? Парадоксальная вещь. Гуманистическая риторика пышно расцветает в тени тоталитарного государства. Разве Сталин толковал о ненависти к человеку? Напротив, он весь светлел от готовности обожать человека. Оказывается, вообще державная власть и не может реализовать себя, если устанет провозглашать ту или иную форму человеколюбия. Крематории нужны для того, чтобы избавить «осчастливленное человечество» от его ненужной и недужной части. Проповедь фанатической ненависти к врагу ради вселенской любви. Печаль по человеку, чтобы плодить «хлам», «мученика из барака»... Невольно возникает подозрение: смогли бы тираны осуществить свои далёкие и зловещие замыслы, не будь безоглядно-радостного доверия к гуманизму у самих масс?

Гуманна ли гильотина? Представьте себе, что этот вопрос задан юному Робеспьеру. Вне всякого сомнения, он содрогнулся бы и ответил презрением. «Ничто на земле не стоит цены человеческой крови» – это слова эрменонвильского отшельника. Но оказалось, что без гильотины не обойтись. Только она может осчастливить человечество. Может быть, есть нечто неизмеримо более важное, нежели струящаяся кровь? Это идеалы человеколюбия?

Не парадокс ли? Гильотина как радикальное средство справедливости. Муки и боль одного человека как досадная помеха на пути ко всеобщему счастью. Воспитание «новой личности» как преодоление изначальной человеческой природы. Что ни говори, гуманизм в той же мере примета нового времени, сколь и дегуманизация. Кровавые боины, адские печи, пыточные подвалы. Усложняющаяся техника надругательства над телом и духом человека. Но разве только это?

А социальные эксперименты на живом теле общества? Проверка на человеческом материале многоликого безумия общественных реформаторов, равнодушных не только к слезе ребёнка, но и к стонам миллионов. Гуманистические формулы кажутся непогрешимыми. А какова их изнанка? Платоновский инженер Вермо постоянно изображает «радостную участь человечества». Но он всё же размышляет, сколько гвоздей, меди и минералов можно химически получить из тела Бесталоевой. «Зачем строят крематории? – с грустью удивился инженер. – Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветомедзолота, различных стройматериалов и оборудования...»

Все эти парадоксы ставят вопрос о правомочности самого понятия «гуманизм». В «Письме о гуманизме», написанном М. Хайдеггером для Ж. Бофре, философ спрашивает: есть ли вообще необходимость удерживать слово «гуманизм»? «Или недостаточно ещё очевидна беда, творимая всеми рубриками такого рода? – Продолжает далее Хайдеггер. – Люди, правда, давно уже не доверяют “измам”. Но рынок общественного мнения требует всё новых. Люди снова и снова готовы откликаться на эту потребность. Названия вроде “логики”, “этики”, “физики” тоже возникают лишь с тех пор, как подходит к концу изначальное мышление. Греки в свою великую эпоху мыслили без подобных рубрик» [15, с. 193–194].

Бофре спрашивал у Хайдеггера: «Каким образом можно возратить какой-то смысл слову “гуманизм”?» Сомневаясь в потребности всяких «измов», Хайдеггер всё же отмечает, что речь, по существу, идёт о возвращении человеку человечности. Но в чём она состоит? «Она покоится в его сущности», – отвечает М. Хайдеггер.

Христианин, например, усматривает человечность человека в свете его отношения к божеству. В плане истории спасения он – человек – как «дитя Божие», слышащее и воспринимающее зов Божий во Христе. Что вытекает из этих рассуждений немецкого философа? Если люди понимают под гуманизмом вообще озабоченность тем, чтобы человек освободился для собственной человечности и обрёл в ней своё достоинство, то, смотря по трактовке «свободы» и «природы» человека, гуманизм окажется разным.

Гуманизм един, когда речь идёт о ценности человека. Но он всё же существует во множестве версий, разновидностей, ибо в самой трактовке человеческой природы возможны самые неожиданные варианты и оттенки. Гуманизм как специфическая система взглядов формировался на протяжении веков. Он, естественно, избрал в себя исторически предопределённые подходы к проблеме, конкретные и далеко не всегда совпадающие представления о сущности человека и его предназначении.

Многообразие видения гуманизма – одна из примет нашей эпохи. Наряду с традиционными версиями складываются сегодня новые, радикально переосмысливающие устоявшийся эталон. Возникают философские направления, открыто выступающие против христианского гуманизма. Хайдеггер справедливо подчёркивает, что гуманизм Маркса, например, не нуждается ни в каком возврате к Античности, равно как и тот гуманизм, которым Сартр считает экзистенциализм.

Но, как бы ни были различны эти виды гуманизма по цели и обоснованию, по способу и средствам осуществления, по форме своего учения, они, однако, все сходятся на том, что человечность человеческого человека определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы истории, мира, мироосновы – то есть сущего в целом.

Но в чём состоит, по Хайдеггеру, врождённый изъян всякого гуманизма? При определении человечности человека гуманизм не только не спрашивает об отношении бытия к человеческому существу. Гуманизм даже

мешает поставить этот вопрос, потому что ввиду своего происхождения из метафизики не знает и не понимает его. Стало быть, исходным для философского постижения гуманизма оказывается вопрос об истине бытия.

Чтобы оценивать ту или иную форму гуманизма, надо прежде всего понять природу человека, его сущность. Иначе и на самом деле можно принуждать человека ко злу под видом блага. Как можно, не понимая предназначения человека, исповедовать гуманизм? Ведь именно в философском осмыслении человека у нас до последнего времени разительное отставание. Мы чаще всего воспринимали человека как некую точку различных социальных пересечений.

5. Не исчезает ли сам предмет гуманизма – человек? Возможен ли гуманизм как определенная система взглядов, если оспаривается исходная идея – ценность самого человека? Любить человека... Но действительно ли он – мера всего сущего? В современном философском сознании нередко возникают мотивы дискредитации человека как живого существа. Философские антропологи говорят об ущербности его биологической природы, психоаналитики – о присущих сыну земли мощных разрушительных импульсах. Социобиологи оспаривают идею уникальности человека. Структуралисты приходят к убеждению, что чрезмерный интерес к человеку в истории европейской культуры явился причиной многих теоретических и практических извращений. Этот интерес, в частности, как они полагают, придал идее прогресса искажённый облик. Теперь уже ясно, подчёркивают структуралисты, что сам человек не заслуживает доверия, ибо в нём укоренены разные пороки.

Именно человек, обладая сознанием, пошёл на самоубийственный таран Земли. Известный публицист Г. Бочаров пишет: «Воду, минералы, уголь, нефть, лес, металлы, всё, чем богата природа, – человек назвал ресурсами. А назвав, обратил в строительный материал цивилизации. Теперь жизнь подчинена прогрессу. И нет ничего более агрессивного по отношению к природе, чем прогресс в его нынешнем понимании. Всё более агрессивными становятся и отношения между людьми. Между народами, странами и религиями. Сознание миллиардов людей милитаризируется по всему миру. Откровенно готовится третья мировая война» [4, с. 24].

О гуманизме пишут охотно, страстно и полемично. Однако проблемная напряжённость во многих публикациях и философских экспертизах отсутствует. Человека надо любить – кто же спорит? И всё... Напомним хотя бы о том, что Николай Бердяев называл гуманизм ересью... Гуманизм выражает не только значимость человеческого рода. Суть его в формуле ценности каждой индивидуальной жизни. Каждый человек – это зона неповторимого культурного творчества. Истинная ценность любого общественного строя измеряется тем, насколько он способствует реализации творческого потенциала личности. Гуманизм как идейное течение и как социальная практика имеет множество противоречий.

Парадокс гуманизма связан с его многоликостью, которая разрушает представление о специфическом понимании его природы. Гуманизм давно уже не связывают с ценностью самого человека. Он стал оборотнем, который прославляет нечеловеческое, болезненное, деструктивное. Американский фантаст Роберт Шекли иронично писал о неврозе гуманности в человеке, который великолепно приспособлен к убийству [16]. Сегодня можно говорить о тотальной дегуманизации мира, о гуманистической риторике, которая реализует негодные политические цели. Восстановление истинного смысла гуманности – задача социальной гуманитарной теории.

Список литературы

1. *Бенуа Ален де*. Как можно быть язычником. М.: Русская Правда, 2004. 240 с.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Париж: Имка-Пресс, 1985. 448 с.
3. *Блок А.* Крушение гуманизма // *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 6: Проза. 1918–1921. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 93–115.
4. *Бочаров Г.* Трагедия силы в космической пустоте. Готово ли человечество к пилотируемым межпланетным полетам? // *Вестник аналитики*. 2012. № 3. С. 21–27.
5. *Вагнер Г.К.* О духовности русской культуры. Интервью // *Советская культура*. 1989. 4 февр.
6. *Вивес Х.Л.* О причинах упадка искусств / Пер. и вступит. ст. В. Бибикина // *Эстетика Ренессанса*: в 2 т. Т. 1 / Сост. В.П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. С. 457–471.
7. *Горький М.* Заметки из дневника. Воспоминания: А.А. Блок // *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 15: Рассказы, очерки, заметки из дневника, воспоминания (1921–1924). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 327–334.
8. *Жильсон Э.* Средневековый гуманизм и Ренессанс // *Культурология: хрестоматия* / Сост. П.С. Гуревич. М.: Гардарики, 2000. С. 393–400.
9. *Зедльмайр Х.* Утрата середины / Пер. с нем. С.С. Ванесяна. М.: Прогресс-Традиция: Территория будущего, 2008. 640 с.
10. *Иванов Вяч.* О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности // *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 367–382.
11. *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству / Пер. А.В. Михайлова // *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. М.: Культурная революция, 2009. С. 107–184.
12. *Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека / Пер. и вступит. ст. Л. Брагиной // *Эстетика Ренессанса*: в 2 т. Т. 1 / Сост. В.П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. С. 243–305.
13. *Сушков Б.Ф.* Русская культура: Новый курс. М.: Наука, 1996. 334 с.
14. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 63–176.
15. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
16. *Шекли Р.* Цивилизация статуса; Корпорация «Бессмертие» / Пер. с англ.: В. Баканов, И. Почиталин. М.: Эксмо, 2005. 379 с.

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor.

PARADOXES OF MODERN HUMANISM

Perhaps no social topic contains as many contradictions as humanism. And every time, in one era or another, the paradoxical nature of the problem of humanity reveals itself from an unexpected side. It is not perceived as an unforeseen situation when humanism is painted in misanthropic tones. There is no particular concern about the situation when humanism turns out to be a simulacrum and in its essence expresses an ordinary emptiness.

In various arrangements of humanism, we are talking about the cult of man, but man himself is seen as an evil, destructive creature. They talk about the inevitability of humanity, but paradoxically they put race, ethnicity and other social formations instead of a person. Abstract and concrete humanism are distinguished, but a real person finds himself in the chains of totalitarianism. Ordinary crimes are covered up with humanistic rhetoric.

The author of the article reflects on the paradoxes that are revealed upon closer examination of this concept.

Keywords: values, humanism, man, subjectivity, personality, culture, christian humanism, “abstract” humanism, dehumanization of the world, the fate of humanism

References

1. Benoist, Alain de. *Kak možno byt' yazychnikom* [How Can You Be a Pagan]. Moscow: Russkaya Pravda Publ., 2004. 240 pp. (In Russian)
2. Berdyaev, N.A. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The Meaning of Creativity: The Experience of Justifying a Person]. Paris: Imka-Press Publ., 1985. 448 pp. (In Russian)
3. Blok, A. “Krushenie gumanizma” [The Collapse of Humanism], in: A. Blok, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 6. Moscow; Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1962, pp. 93–115. (In Russian)
4. Bocharov, G. “Tragediya sily v kosmicheskoi pustote. Gotovo li chelovechestvo k pilotiruemyim mezhplanetnym poletam?” [The Tragedy of Power in the Cosmic Void. Is Humanity Ready for Manned Interplanetary Flights?], *Vestnik analitiki*, 2012, No. 3, pp. 21–27. (In Russian)
5. Gilson, E. “Srednevekovyi gumanizm i Renessans” [Medieval Humanism and Renaissance], *Kul'turologiya: khrestomatiya* [Cultural Studies: a Textbook], ed. P.S. Gurevich. Moscow: Gardariki Publ., 2000, pp. 393–400. (In Russian)

6. Gorky, M. "Zametki iz dnevnika. Vospominaniya: A.A. Blok" [Notes from the Diary. Memories: A.A. Blok], in: M. Gorky, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 15. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1951, pp. 327–334. (In Russian)
7. Heidegger, M. "Evropeiskii nigilizm" [European Nihilism], in: M. Heidegger, *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 63–176. (In Russian)
8. Heidegger, M. "Pis'mo o gumanizme" [A Letter about Humanism], in: M. Heidegger, *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 192–220. (In Russian)
9. Ivanov, Vyach. "O krizise gumanizma. K morfologii sovremennoi kul'tury i psikhologii sovremennosti" [About the Crisis of Humanism. On the Morphology of Modern Culture and the Psychology of Modernity], in: Vyach. Ivanov, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 3. Brussel, 1979, pp. 367–382. (In Russian)
10. Nietzsche, F. "Antikhrist. Proklyatie khristianstvu" [The Antichrist. The Curse of Christianity], trans. A.V. Mikhailov, in: F. Nietzsche, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 6. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2009, pp. 107–184. (In Russian)
11. Pico della Mirandola, G. "Rech' o dostoinstve cheloveka" [It's about Human Dignity], trans. L. Bragina, *Ehstetika Renessansa* [Renaissance Aesthetics], Vol. 1, ed. V.P. Shestakov. Moscow: Iskusstvo Publ., 1981, pp. 243–305. (In Russian)
12. Sedlmayr, H. *Utrata serediny* [Loss of the Middle], trans. S.S. Vanesyan. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2008. 640 pp. (In Russian)
13. Sheckley, R. *Tsivilizatsiya statusa; Korporatsiya «Bessmertie»* [Status Civilization; Corporation "Immortality"], trans. V. Bakanov, I. Pochitalin. Moscow: Ehksmo Publ., 2005. 379 pp. (In Russian)
14. Sushkov, B.F. *Russkaya kul'tura: Novyi kurs* [Russian Culture: New Course]. Moscow: Nauka Publ., 1996. 334 pp. (In Russian)
15. Vives, J.L. "O prichinakh upadka iskusstv" [On the Causes of the Decline of the Arts], trans. V. Bibikhin, *Ehstetika Renessansa* [Renaissance Aesthetics], Vol. 1, ed. V.P. Shestakov. Moscow: Iskusstvo Publ., 1981, pp. 457–471. (In Russian)
16. Wagner, G.K. "O dukhovnosti russkoi kul'tury. Interv'yu" [About the Spirituality of Russian Culture. Interview], *Sovetskaya kul'tura*, 1989, 4 Feb. (In Russian)